Особенности получения, оценки и использования показаний лица, допрашиваемого по уголовному делу соучастника преступления

Аннотация. Появление в составе участников российского уголовного судопроизводства лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ), привело к активизации обсуждения проблем правового статуса не только его самого, но и ряда других фактически существующих подобных участников. К ним, в частности, относятся осужденный, допрашиваемый по делу его соучастника, ранее выделенному в отдельное производство в связи с приостановлением по тем или иным основаниям и впоследствии возобновленному; лицо, в отношении которого уголовное дело прекращено, и др. Всех их объединяет то обстоятельство, что они привлекаются к участию в следственных действиях по уголовным делам в отношении соучастников преступления для дачи показаний в отношении их противоправных действий. Такие своего рода свидетельские показания имеют значительную специфику, поскольку даются лицами, обладающими привилегией от самообвинения и заинтересованными в исходе дела. Это предопределяет существенные нюансы получения, оценки и использования данных показаний.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства; сообвиняемые; автономная концепция «свидетель»; лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве; другие свидетели-соучастники; особенности процессуального статуса указанных лиц; допрос и иные следственные действия, связанные с получением показаний; показания как доказательства; особенности оценки показаний свидетельствующего соучастника; гарантии достоверности показаний.

© Шадрин В. С., Булатов Б. Б., 2021

* *Шадрин Виктор Сергеевич*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации
Литейный пр-т, д. 44, г. Санкт-Петербург, Россия, 191104
vikt-shadr@yandex.ru

** *Булатов Борис Борисович*, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского юридического университета
ул. Короленко, д. 12, г. Омск, Россия, 644010
borisbulatov@rambler.ru

Для цитирования: Шадрин В. С., Булатов Б. Б. Особенности получения, оценки и использования показаний лица, допрашиваемого по уголовному делу соучастника преступления // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 2. — С. 102–113. — DOI: 10.17803/1994-1471.2021.123.2.102-113.

Features of Obtaining, Evaluating and Using of Testimony of a Person Questioned in a Criminal Case of an Accomplice

Victor S. Shadrin, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch), University of Prosecutor's Office, Merited Lawyer of the Russian Federation
pr-t Liteyny, d. 44, Saint Petersburg, Russia, 191104
vikt-shadr@yandex.ru

Boris B. Bulatov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Siberian Law University
ul. Korolenko, d. 12, Omsk, Russia, 644010
borisbulatov@rambler.ru

Abstract. Under Article 56.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, an individual in whose respect the criminal case was separated into a separate proceeding due to the conclusion of a pre-trial cooperation agreement among the participants of the Russian criminal proceedings has appeared. This results in intensification of the discussion of the legal status of not only this individual, but also of a number of other actually existing similar participants. They include, inter alia, a convicted person questioned in the case of his accomplice previously allocated to a separate proceeding due to suspension for one reason or another and subsequently resumed; the person against whom the criminal case has been dismissed, etc. All of them are united by the fact that they are involved in criminal investigations against the accomplices to testify against their wrongful actions. This kind of testimony is of considerable specificity, as it is given by persons with the privilege against self-incrimination and interested in the outcome of the case. This predetermines significant nuances of the procedure of obtaining, evaluating and using such testimonies.

Keywords: participants in criminal proceedings; co-accused; autonomous concept of a “witness”; person in respect of whom the criminal case is allocated to a separate proceedings due to a pre-trial cooperation agreement; other accomplice witnesses; peculiarities of the procedural status of persons; interrogation and other investigative actions related to obtaining testimony; testimony as evidence; features of evaluation of testimony of a witness accomplice; guarantees of reliability of testimony.

Cite as: Shadrin VS, Bulatov BB. Osobennosti polucheniya, otsenki i ispolzovaniya pokazaniy litsa, doprashivaemogo po ugovnomu delu souchastnika prestupleniya [Features of Obtaining, Evaluating and Using of Testimony of a Person Questioned in a Criminal Case of an Accomplice]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2021;16(2):102-113. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.123.2.102-113 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение в УПК РФ Федеральным законом¹ статьи 56.1 «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве» поставило

перед наукой и практикой уголовного судопроизводства ряд проблемных вопросов различной значимости. Главные среди них: 1) какова специфика правового статуса данного лица как участника уголовного судопроизводства и

¹ Федеральный закон от 30.10.2018 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 487.

2) чем определяются особенности его допроса и использования в доказывании его показаний? При этом оба вопроса, как показывает их анализ, взаимосвязаны.

На первый вопрос сразу постарался ответить сам законодатель, разъяснив, что данное лицо — участник уголовного судопроизводства, привлекаемый к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления (ч. 1 ст. 56.1 УПК РФ). Только подобное разъяснение трудно принять в качестве исчерпывающего ответа. Приходится догадываться, что речь идет об обвиняемом, в отношении которого состоялось выделение уголовного дела в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве и которому предлагается для изобличения соучастников преступления в соответствии с соглашением дать в отношении них показания по основному (исходному) уголовному делу. При этом, как выясняется, законодатель неслучайно в рассматриваемой статье уголовно-процессуального закона предпочитает не называть данного участника уголовного судопроизводства обвиняемым. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, послужившей непосредственным основанием для появления указанной законодательной новеллы, обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, при производстве допроса в судебном заседании по основному уголовному делу в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления в соучастии с ним, приобретает в процессе по основному делу особый статус, который не может быть соотнесен в полной мере ни с правовым положением свидетеля, ни с правовым положением подсудимого. Для устранения такого рода неопределенности и в целях надлежащего обеспечения прав и законных интере-

сов данного лица КС РФ своим постановлением предписал федеральному законодателю внести в УПК РФ «соответствующие изменения»², что и было выполнено практически буквально, с внесением в уголовно-процессуальный закон тех формулировок, которые использовал КС РФ в тексте своего постановления. Наглядно это отражено, в частности, в наименовании ст. 56.1 УПК РФ. Законодатель «разрубил гордиев узел» противоречий в процессуальном положении лица, допрашиваемого по уголовному делу соучастника (не обвиняемый, не свидетель, а одновременно как бы и тот и другой), довольно просто — объявив его самостоятельным участником уголовного судопроизводства наряду с уже известными ранее участниками.

Такое решение вызвало неоднозначную оценку в юридической литературе. С учетом существования в теории отечественного уголовного процесса устоявшихся, безусловно признанных категорий участников уголовного судопроизводства разгорелся спор, к какой из них новоявленный участник должен быть в большей степени отнесен. А именно — к лицам, подвергаемым уголовному преследованию (подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, осужденным) или к тем, кто лишь может быть допрошен в качестве свидетеля.

В. Н. Авдеев, И. О. Воскобойник пришли к выводу, что «наиболее правильно рассматривать соответствующее лицо в качестве “особого обвиняемого”, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, который согласился на участие в процессуальных действиях по основному уголовному делу в отношении соучастников преступления, и регламентировать его процессуальный статус в ст. 47.1 УПК РФ»³. Склоняются к тому, что «содержание статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Авдеев В. Н., Воскобойник И. О. Некоторые размышления относительно регламентации в ст. 56.1 УПК РФ процессуального статуса нового участника уголовного процесса // Российская юстиция. 2019. № 2. С 44.

сотрудничестве, дает основание для отнесения его к группе участников со стороны обвинения» и некоторые другие авторы⁴.

По мнению же В. А. Лазаревой, «статья 56.1 дает основания говорить о “заинтересованном свидетеле”, т.е. о том статусе, в котором лицо и дает показания. Согласно ст. 56.1 УПК РФ лицо, в отношении которого дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, наделяется правами, предусмотренными частью четвертой ст. 56, и на него возлагаются обязанности, перечисленные в части шестой этой статьи. Признание этого лица (заинтересованным) свидетелем исключает необходимость отдельного правового регулирования. Его достаточно указать в числе лиц, не предупреждаемых об ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со ст. 307 и 308 Уголовного кодекса Российской Федерации (ч. 7 ст. 56.1 УПК РФ)»⁵.

А. А. Хайдаровым предложено «именовать “особого свидетеля” участником уголовного процесса, являющимся источником сведений» по аналогии с терминологией, используемой в п. «f» ст. 178 УПК Швейцарии. Согласно указанной норме в качестве источника сведений по уголовному делу может быть допрошено лицо, которое обвиняется в преступлении, взаимосвязанном с данным преступлением, но расследуемом в другом производстве⁶.

Высказаны также мнения о нецелесообразности вообще введения в УПК РФ статьи 56.1 и, соответственно, появления в российском уго-

ловном судопроизводстве столь неоднозначной фигуры, поскольку разрешение всех возникших в этой связи вопросов осуществлено откровенно примитивно, без надлежащего учета системности уголовно-процессуального права и канонов законодательной техники⁷.

Один из авторов настоящей статьи, по существу разделяя приведенное выше мнение В. А. Лазаревой о наличии оснований считать новоявленного участника уголовного судопроизводства заинтересованным свидетелем, вместе с тем обратил внимание на то, что проблемы, связанные с допросом лица по уголовному делу соучастника, известны науке и практике отечественного уголовного процесса достаточно давно. Они касаются не только обвиняемого по выделенному уголовному делу в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, а гораздо более широкого круга лиц. В том числе осужденного, допрашиваемого по делу его соучастника, ранее выделенному в отдельное производство в связи с приостановлением по тем или иным основаниям и впоследствии возобновленному; лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, и иных лиц в ситуациях, когда возникает необходимость привлечения их для дачи показаний в отношении соучастников. Поэтому связанные с их фактическим существованием проблемы следует решать комплексно, формируя по отношению к ним общий подход⁸.

В известной мере от избранного подхода к установлению процессуального статуса лица, допрашиваемого по уголовному делу соучаст-

⁴ Головинская И. В., Крестинский М. В., Савельев И. И. Отдельные проблемы реализации конституционных и уголовно-процессуальных гарантий прав лиц в ходе производства по уголовным делам // Современное право. 2019. № 3. С. 43; Азаренок Н. В. Место и роль лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. 2019. № 8. С. 14.

⁵ Лазарева В. А. Лицо, в отношении которого... // Мировой судья. 2019. № 2. С. 19.

⁶ Хайдаров А. А. Когда суд признает протокол допроса недопустимым доказательством // Уголовный процесс. 2017. № 7. С. 35.

⁷ См.: Васильев О. Л. Новый участник уголовного процесса или видимость совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 41; Головкин Л. В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. 2019. № 4. С. 81.

⁸ См.: Шадрин В. С. «Новый» участник уголовного судопроизводства — свидетельствующий соучастник // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 33–36.

ника, в современных условиях зависит решение актуальных проблем определения оснований и условий использования показаний данного лица в доказывании и точность, адекватность оценки их доказательственного значения.

На первый взгляд, если вполне отдавать себе отчет в том, что допрашиваемое по уголовному делу соучастника лицо существует одновременно в двух ипостасях — обвиняемого по выделенному, прекращенному или иным способом завершеному производством уголовному делу в отношении него и одновременно свидетеля, при даче показаний по уголовному делу в отношении соучастника, заинтересованного прежде всего в непричинении своими действиями вреда самому себе, то можно абстрагироваться от того, как это лицо именуется и к какой категории участников уголовного судопроизводства относится. В силу его двойственного статуса следует только обращаться с ним как с субъектом, не утратившим привилегию от самообвинения и поэтому не обязанным давать показания против самого себя, а при оценке его показаний не упускать из виду возможную заинтересованность, способную побуждать его к корректировке излагаемых на допросе сведений в свою пользу. То есть поступать в соответствии с русской пословицей «Хоть горшком назови, только в печь не ставь».

Однако, если иметь в виду действующие в настоящее время положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о значении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров России в качестве составной части ее правовой системы, то стоит обратить внимание на прецедентную практику применения к затрагиваемым проблемам Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Европейский Суд по правам человека в контексте ст. 6, § 3 (d) Европейской конвенции неоднократно отмечал, что термин «свидетель» должен толковаться автономно, т.е. не в узком смысле, как это понимает внутреннее право

каждой страны, а в широком, конвенционном смысле. В указанном смысле в качестве свидетелей могут рассматриваться и обвиняемые⁹. С учетом указанных обстоятельств представляется возможным именовать лицо, дающее по уголовному делу показания в отношении соучастника, допустим, «свидетельствующий соучастник». Или, как предлагает А. Л. Осипов, «свидетель-соучастник»¹⁰.

Названный автор подчеркивает, что связанные с процессуальным статусом такого участника уголовного судопроизводства проблемы касаются не только лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве. Они затрагивают правила использования в доказывании обвинительных показаний сравнительно широкого круга свидетелей, в отношении которых велось или ведется «параллельное уголовное преследование» по обвинениям, имеющим частично или полностью совпадающую фактическую базу с тем уголовным делом, по которому показания данного лица в качестве свидетеля используются для изобличения его соучастника. В качестве фундаментального положения автономной концепции «свидетель» в практике ЕСПЧ используется утверждение, что «справедливость судебного разбирательства требует, чтобы любое физическое лицо независимо от своего формального юридического статуса, устные или письменные заявления которого используются в доказывании по уголовному делу, применительно к вопросу обеспечения гарантий состязательного судопроизводства рассматривалось в качестве свидетеля. Независимо от формально-юридических или терминологических особенностей, существующих в той или иной национальной системе правового регулирования, такое лицо должно быть подвергнуто перекрестному допросу или иным процедурам, позволяющим проверить достоверность его показаний»¹¹.

⁹ См.: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авт. ; под ред. д. ю. н. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 375.

¹⁰ Осипов А. Л. Процессуальное значение и правила оценки показаний соучастников подсудимых: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты // Адвокат. 2016. № 9. С. 16.

¹¹ Осипов А. Л. Указ. соч. С. 15.

Такой подход позволяет оптимально определить условия получения и использования, а также критерии оценки доказательственного значения показаний лица, допрашиваемого по уголовному делу соучастника преступления. Его применение предполагает необходимость учитывать баланс как интересов личности, которой гарантированы права и свободы человека и гражданина, так и интересов публичных, обусловленных потребностью использования свидетельских показаний для обеспечения безопасности общества и государства путем раскрытия преступлений и достойного наказания виновных в совершении преступлений.

В науке уголовного процесса советского периода не доходило до выдвижения идей о закреплении специального статуса лица, допрашиваемого по уголовному делу соучастника, хотя связанные с этим проблемы производства по уголовным делам были известны. Считалось в целом возможным воспринимать как должное и тем самым фактически легитимировать практику преодоления указанных проблем в деятельности высших судебных инстанций, которые при разрешении уголовных дел с учетом особенностей процессуального положения соответствующего лица формировали правовые позиции, становящиеся обязательными для всех правоприменительных органов в сфере уголовного судопроизводства. Так, Верховный Суд РСФСР указывал, что иное процессуальное положение (в отличие от свидетеля) занимает лицо, ранее осужденное, когда это лицо допрашивается по делу соучастника преступления, выделенному в отдельное производство в связи с болезнью или побегом последнего. Хотя такое лицо и допрашивается судом по правилам допроса свидетеля, однако таковым, исходя из положений ст. 72 и 73 УПК РСФСР, не является. Сообщаемые им сведения по обстоятельствам, подлежащим установлению, касаются не только лица, о котором рассматривается дело, но определенным образом затрагивают и его личные интересы. Сам по себе факт решения вопроса

об уголовной ответственности осужденного не во всех случаях устраняет его заинтересованность в исходе дела в отношении соучастника преступления, которое рассматривается самостоятельно. Соответственно, такие лица не должны нести уголовную ответственность за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний¹².

В невозможности отнести к категории свидетелей лицо, допрашиваемое по уголовному делу соучастника, свою роль сыграло традиционное для доктрины отечественного уголовного процесса представление о свидетеле сугубо как о лице, не причастном к совершению преступления, занимающем нейтральную позицию относительно вопросов обвинения и защиты, не имеющем в уголовном деле своего интереса. Подобный подход аргументировался не только недопустимостью применения в отношении него мер принуждения к даче правдивых показаний, но и необходимостью обеспечить надлежащую оценку его показаний как лица, отнюдь не нейтрального и поэтому заведомо склонного для удовлетворения своих эгоистических интересов к введению органов предварительного расследования и суда в заблуждение. В теории доказательств утверждалось, что «показания лиц, которым предъявлено обвинение в совершении преступления в соучастии с другими лицами, должны в случае разделения дел по мотивам, не связанным с изменением характера обвинения, рассматриваться как показания обвиняемых независимо от того, осужден ли уже сам допрашиваемый по предъявленному ему обвинению... Если же показания соучастников по выделенному делу рассматривать как показания свидетелей, то это может привести к игнорированию особенностей этих показаний, к тому, что будет упущена из виду особая заинтересованность допрашиваемого в исходе дела, и, следовательно, отношение к ним будет недостаточно критическим»¹³.

Следует заметить, что приведенное утверждение само заслуживает достаточно крити-

¹² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 16.10.1978 в отношении Б. и Г. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1979. № 4. С. 8–9.

¹³ Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 571.

ческого отношения. Его можно принять, если только представить себе, что на месте профессиональных участников уголовного судопроизводства — следователей, прокуроров, судей — находятся дилетанты, вовсе не знающие или готовые не обращать внимание на предусмотренные уголовно-процессуальным законом правила оценки доказательств по внутреннему убеждению, одно из которых гласит: никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Разумеется, как правило, показания свидетеля вполне обоснованно рассматриваются как способные вызывать большее доверие в сравнении с показаниями обвиняемого. Однако в реальной правоприменительной практике бывает всякое, в том числе не исключаются и ситуации, когда показания обвиняемого в результате оценки доказательств по уголовному делу в их совокупности признаются, наоборот, более соответствующими действительности, чем показания свидетеля. Давно известно, что ложность показаний как обвиняемого, так и свидетеля может быть обусловлена факторами одного и того же характера, в том числе заинтересованностью. Одинакового характера причинами может быть вызвано и добросовестное заблуждение этих лиц. Неслучайно наиболее распространенные «симптомы лжи» при даче показаний в криминалистической литературе принято определять независимо от того, кто именно дает показания — обвиняемый, потерпевший или свидетель¹⁴. Процессуальный статус допрашиваемого лица, безусловно, следует принимать во внимание. Однако непременно с учетом всех связанных с формированием показаний обстоятельств, объективная оценка которых в конечном итоге и определяет значимость любого доказательства. «Если же при оценке показаний того или иного лица его отношение к делу, в частности к установлению истины, и

влияние на его показания тех или иных факторов предопределяется его процессуальным положением, — обоснованно отмечал еще полвека назад известный советский процессуалист М. Л. Якуб, — то это неизбежно связано с формализмом и предубежденным подходом к показаниям: к показаниям обвиняемого как лица, виновного в преступлении, к показаниям потерпевшего как лица, стремящегося к осуждению обвиняемого, к показаниям свидетеля как незаинтересованного лица. Между тем это далеко не всегда соответствует действительному положению вещей и противоречит принципам, лежащим в основе доказывания, а потому является, во всяком случае с процессуальной точки зрения, неприемлемым»¹⁵.

В отношении получившей широкое распространение практики допроса бывших или действующих обвиняемых в качестве свидетелей по уголовным делам соучастников (в том числе лиц, отбывших срок наказания и привлеченных к допросу в отношении соучастника преступления, дело о котором пересматривается в связи с отменой приговора в порядке судебного надзора) высказывались ранее и довольно категорические негативные оценки. Так, В. И. Смыслов утверждал: «Кто пребывал в положении обвиняемого, чья виновность доказана, тот, независимо от того, был он или не был освобожден от уголовной ответственности, не может трансформироваться в свидетеля и давать свидетельские показания относительно своих соучастников. Если лицо, совершившее преступление, находилось в положении обвиняемого, подсудимого или осужденного... оно должно в необходимых случаях допрашиваться не по правилам допроса свидетеля, а по правилам допроса обвиняемого»¹⁶. Подобного рода суждения представляются в настоящее время излишне ригористическими. Они не соотносятся

¹⁴ Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1984. С. 128–130.

¹⁵ Якуб М. Л. Процессуальные проблемы оценки показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого: при окончании предварительного расследования и при постановлении приговора : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1970. С. 9.

¹⁶ Смыслов В. И. Свидетель в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 17.

На сходных позициях стоит в настоящее время А. В. Победкин (см.: Победкин А. В. Показания как источник доказательств: обеспечить системность // Российский следователь. 2019. № 7. С. 11).

с изложенными выше правовыми позициями ЕСПЧ, которые в существующем сейчас российском уголовном судопроизводстве игнорировать неосмотрительно, хотя и не обязательно воспринимать буквально как безусловное руководство к действию.

В соответствии с выработанными ЕСПЧ подходами к определению доказательственного значения показаний свидетелей-соучастников такие показания могут использоваться, как правило, лишь для установления события инкриминируемого подсудимому преступления, но не его виновности. Показания лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в отношении соучастника требуют еще более взвешенной оценки, поскольку логично ожидать, что такое лицо вряд ли станет менять свои показания, данные ранее по выделенному уголовному делу в качестве обвиняемого, из опасений пересмотра вынесенного в отношении него приговора. В связи с этим, а также с учетом сложившейся ранее и формирующейся в настоящее время российской судебной практики при определении условий использования указанных показаний представляется вполне рациональным применение «правила „sole or decisive rule“, которое запрещает судам основывать обвинительные приговоры на свидетельских показаниях, вызывающих обоснованные сомнения в своей достоверности, притом что такие показания являются единственными или имеют решающее значение для исхода дела»¹⁷.

Симптоматично, что законодатель, установив в ст. 56.1 УПК РФ самостоятельный процессуальный статус для лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, не внес никаких изменений в ч. 2 ст. 74 УПК РФ, предусматривающую перечень доказательств, используемых в доказывании по уголовным делам. Тем самым вопрос о виде (статусе) доказательства, образующегося в результате получения имеющих значение для уголовного дела сведений от данного лица, остается открытым. Отмеченное обстоятельство,

учитывая существующую процедуру принятия федеральных законов, вряд ли можно объяснить простой забывчивостью представителей законодательной власти, готовивших законопроект. Скорее можно полагать, что правоприменителю намеренно предоставлена едва ли нужная ему в данной ситуации свобода выбора, под какой из существующих видов показаний (подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего либо свидетеля) следует подводить показания лица, предусмотренного ст. 56.1 УПК РФ. Судя по всему, подразумевались показания именно свидетеля, учитывая, что в качестве свидетелей в настоящее время в порядке вещей и повсеместно допрашиваются многие другие участники уголовного судопроизводства, в том числе имеющие в уголовном деле самостоятельный интерес — гражданские истцы, гражданские ответчики и т.д.¹⁸

Оценка показаний свидетелей-соучастников отличается повышенной сложностью и должна производиться с особой тщательностью, учитывая в том числе особенности законодательно установленных гарантий их достоверности. Вопрос о достоверности таких показаний является ключевым.

Достоверность показаний «обычного» свидетеля в известной мере обеспечивается предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо за отказ от дачи показаний в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ. Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, привлекаемое к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления, как подчеркивает КС РФ, субъектом ответственности по названным статьям УК РФ не является. Достоверность его показаний обеспечивается возможностью наступления для него предусмотренных статьей 317.8 УПК РФ последствий невыполнения обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве.

¹⁷ Осипов А. Л. Указ. соч. С. 16, 18.

¹⁸ Рыжаков А. П. Свидетель в российском уголовном процессе: понятие, права, обязанности и ответственность. Комментарий к ст. 56 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс», 2004.

О подобных специальных гарантиях достоверности показаний многих иных фактически существующих свидетелей-соучастников, о которых упоминалось выше, в УПК РФ не сказано ничего. Но утверждать, что достоверность их показаний законодательно вообще никак не обеспечивается, нельзя. В уголовно-процессуальном законе есть и другие средства для этого. О них, в частности, ранее неоднократно упоминал КС РФ в связи с рассмотрением жалоб на неконституционность положений УПК РФ, регламентирующих допрос свидетелей в судебном заседании. Так, в определении по итогам рассмотрения жалобы осужденного А. В. Пеункова, просившего признать не соответствующей Конституции РФ часть 2 ст. 278 УПК РФ, поскольку она позволяет допрашивать в судебном следствии в качестве свидетелей лиц, ранее осужденных за преступление, совершенное в соучастии с подсудимым, без разъяснения им положения ч. 8 ст. 56 УПК РФ об ответственности, которую несет свидетель за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, КС РФ указал следующее. Само по себе непредупреждение лица, привлеченного к производству по уголовному делу в отношении соучастника преступления, об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи показаний не предопределяет оценку данных им показаний как недопустимых доказательств. Не имеют такие показания и заранее установленной силы, а, напротив, подлежат проверке и оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности по всем правилам уголовно-процессуального закона (ст. 17, 73, 74, 85–88 и 299 УПК РФ). При этом процедура допроса лиц, уголовные дела по обвинению которых были выделены в отдельное производство и в отношении которых по результатам состоявшегося судебного разбирательства был вынесен вступивший в законную силу обвинительный приговор, и оглашение

ранее данных ими показаний должны обеспечивать право обвиняемого на эффективную судебную защиту, включая право допрашивать показывающих против него свидетелей или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, а также право не свидетельствовать против самого себя¹⁹. Такой подход вполне соответствует требованиям ЕСПЧ о необходимости использования при допросе свидетеля-соучастника процедур, позволяющих проверить достоверность его показаний и тем самым выполняющих роль гарантий достоверности.

Что касается прав лиц, привлекаемых к производству по уголовному делу в отношении соучастника, то прежде всего следует исходить из того, что их наличие необходимо для обеспечения недопустимости ухудшения собственного положения указанных лиц в случае их согласия дать показания. Помимо права не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, в законе целесообразно закрепить норму, в соответствии с которой показания, данные лицом по обстоятельствам своей причастности к преступлению, при рассмотрении дела в отношении соучастника не могут быть использованы против него. Например, для обоснования его виновности в рамках производства по его уголовному делу или как основание для отмены приговора или постановления о прекращении уголовного преследования. Аналогичное решение должно применяться не только при допросе, но и при производстве других следственных действий, в ходе которых также получают показания (очная ставка, проверка показаний на месте, предъявление для опознания и т.п.)²⁰.

Заслуживает внимания также поднимаемый в теории уголовного процесса вопрос о том, чем руководствоваться при допросе лица, допрашиваемого по уголовному делу соучастника, в случае необходимости задать ему вопрос по

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2016 № 2156-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Пеункова Алексея Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 276, частями второй и пятой статьи 278 и статьей 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁰ См.: Булатов Б. Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 181.

обстоятельствам, не касающимся непосредственно его участия в совершении преступления, инкриминируемого обвиняемому по данному уголовному делу. Например, о возможной причастности обвиняемого к преступлениям, совершенным не в соучастии с допрашиваемым лицом. Рассматривать ли допрашиваемого в данной ситуации как обычного свидетеля и, соответственно, субъекта ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ, о чем его следует предупреждать, или на протяжении всего допроса исходить из его статуса свидетеля-соучастника? Если подходить к оценке обозначенной ситуации с позиций обеспечения прав и законных интересов допрашиваемого лица, то, безусловно, «ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Допрос таких свидетелей должен вестись по единым правилам, в противном случае положения закона не будут отвечать критериям ясности и предсказуемости применения, а суды получат неограниченную свободу усмотрения в разрешении вопроса о пределах действия конституционных гарантий права на защиту в зависимости от содержания конкретного вопроса, а не процессуальной функции участника»²¹.

Вместе с тем, если оценивать ситуацию с иной точки зрения, имея в виду необходимость обеспечения прав других лиц, то стоит задуматься о дополнительных гарантиях против явного и злонамеренного введения в заблуждение государственных органов и должностных лиц, ведущих уголовное судопроизводство, с возможным причинением вреда необоснованно изобличаемому лицу. В связи с этим заслуживает внимания мнение о необходимости отличать заведомо ложные показания, за которые соучастник преступления не несет уголовной ответственности, и его показания, в которых содержится заведомо ложный донос. В последнем случае действия допрашиваемого лица могут подлежать «квалификации по ст. 306 УК РФ на общих основаниях, что отвечает положению ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина (в данном случае права на защиту) не должно нарушать права и свободы других лиц»²². Принятие соответствующих решений в зависимости от всех конкретных обстоятельств в подобных ситуациях остается за правоприменителем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авдеев В. Н., Воскобойник И. О. Некоторые размышления относительно регламентации в ст. 56.1 УПК РФ процессуального статуса нового участника уголовного процесса // Российская юстиция. — 2019. — № 2. — С. 42–44.
2. Азаренок Н. В. Место и роль лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. — 2019. — № 8. — С. 11–14.
3. Булатов Б. Б. Процессуальное положение лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность : монография. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 224 с.
4. Васильев О. Л. Новый участник уголовного процесса или видимость совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ? // Уголовное судопроизводство. — 2019. — № 1. — С. 37–41.
5. Головинская И. В., Крестинский М. В., Савельев И. И. Отдельные проблемы реализации конституционных и уголовно-процессуальных гарантий прав лиц в ходе производства по уголовным делам // Современное право. — 2019. — № 3. — С. 42–46.

²¹ Осипов А. Л. Указ. соч. С. 18.

²² Цепелев К. В. Заведомо ложный донос и заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 10.

6. Головки Л. В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы // Закон. — 2019. — № 4. — С. 67–82.
7. Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. — Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. — 192 с.
8. Лазарева В. А. Лицо, в отношении которого... // Мировой судья. — 2019. — № 2. — С. 15–19.
9. Осипов А. Л. Процессуальное значение и правила оценки показаний соучастников подсудимых: конституционно-правовые и международно-правовые аспекты // Адвокат. — 2016. — № 9. — С. 14–20.
10. Победкин А. В. Показания как источник доказательств: обеспечить системность // Российский следователь. — 2019. — № 7. — С. 9–14.
11. Рыжаков А. П. Свидетель в российском уголовном процессе: понятие, права, обязанности и ответственность. Комментарий к ст. 56 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс», 2004.
12. Смыслов В. И. Свидетель в советском уголовном процессе : учебное пособие. — М. : Высш. школа, 1973. — 160 с.
13. Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / кол. авт. ; под ред. д. ю. н. Т. Г. Морщаковой. — М. : Мысль, 2012. — 584 с.
14. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. редактор Н. В. Жогин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
15. Хайдаров А. А. Когда суд признает протокол допроса недопустимым доказательством // Уголовный процесс. — 2017. — № 7. — С. 29–35.
16. Цепелев К. В. Заведомо ложный донос и заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 25 с.
17. Шадрин В. С. «Новый» участник уголовного судопроизводства — свидетельствующий соучастник // Российская юстиция. — 2020. — № 2. — С. 33–36.
18. Якуб М. Л. Процессуальные проблемы оценки показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого: при окончании предварительного расследования и при постановлении приговора : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Л., 1970. — 30 с.

Материал поступил в редакцию 26 августа 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avdeev V. N., Voskoboynik I. O. Nekotorye razmyshleniya otnositel'no reglamentacii v st. 56.1 UPK RF processual'nogo statusa novogo uchastnika ugolovnogo processa // Rossijskaya yusticiya. — 2019. — № 2. — С. 42–44.
2. Azarenok N. V. Mesto i rol' lica, v otnoshenii kotorogo ugolovnoe delo vydeleno v otdel'noe proizvodstvo v svyazi s zaklyucheniem s nim dosudebnogo soglasheniya o sotrudnichestve // Rossijskij sledovatel'. — 2019. — № 8. — С. 11–14.
3. Bulatov B. B. Processual'noe polozhenie lic, v otnoshenii kotoryh osushchestvlyayetsya obvinitel'naya deyatel'nost' : monografiya. — М. : Yurlitinform, 2013. — 224 с.
4. Vasil'ev O. L. Novyj uchastnik ugolovnogo processa ili vidimost' sovershenstvovaniya Ugolovno-processual'nogo kodeksa RF? // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. — 2019. — № 1. — С. 37–41.
5. Golovinskaya I. V., Krestinskij M. V., Savel'ev I. I. Otdel'nye problemy realizacii konstitucionnyh i ugolovno-processual'nyh garantij prav lic v hode proizvodstva po ugolovnym delam // Sovremennoe pravo. — 2019. — № 3. — С. 42–46.
6. Golovko L. V. Ugolovnoe sudoproizvodstvo v usloviyah permanentnoj sudebnoj reformy // Zakon. — 2019. — № 4. — С. 67–82.
7. Zakatov A. A. Lozh' i bor'ba s neyu. — Volgograd : Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1984. — 192 с.

8. Lazareva V. A. Lico, v otnoshenii kotorogo... // *Mirovoj sud'ya*. — 2019. — № 2. — С. 15–19.
9. Osipov A. L. Processual'noe znachenie i pravila ocenki pokazanij souchastnikov podsudimyh: konstitucionno-pravovye i mezhdunarodno-pravovye aspekty // *Advokat*. — 2016. — № 9. — С. 14–20.
10. Pobedkin A. V. Pokazaniya kak istochnik dokazatel'stv: obespechit' sistemnost' // *Rossijskij sledovatel'*. — 2019. — № 7. — С. 9–14.
11. Ryzhakov A. P. Svidetel' v rossijskom ugolovnom processe: ponyatie, prava, obyazannosti i otvetstvennost'. Kommentarij k st. 56 UPK RF // *SPS «Konsul'tantPlyus»*, 2004.
12. Smyslov V. I. Svidetel' v sovetskom ugolovnom processe : uchebnoe posobie. — M. : Vyssh. shkola, 1973. — 160 s.
13. Standarty spravedlivogo pravosudiya (mezhdunarodnye i nacional'nye praktiki) / kol. avt. ; pod red. d. yu. n. T. G. Morshchakovej. — M. : Mysl', 2012. — 584 s.
14. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe / otv. redaktor N. V. Zhogin. — Izd. 2-e, ispr. i dop. — M. : Yurid. lit., 1973. — 736 s.
15. Hajdarov A. A. Kogda sud priznaet protokol doprosa nedopustimym dokazatel'stvom // *Ugolovnyj process*. — 2017. — № 7. — С. 29–35.
16. Cepelev K. V. Zavedomo lozhnyj donos i zavedomo lozhnye pokazanie, zaklyuchenie eksperta, specialista ili nepravil'nyj perevod: ugolovno-pravovaya harakteristika i problemy kvalifikacii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2018. — 25 s.
17. Shadrin V. S. «Novyj» uchastnik ugolovnogo sudoproizvodstva — svidetel'stvuyushchij souchastnik // *Rossijskaya yusticiya*. — 2020. — № 2. — С. 33–36.
18. Yakub M. L. Processual'nye problemy ocenki pokazanij svidetelya, poterpevshego i obvinyaemogo: pri okonchanii predvaritel'nogo rassledovaniya i pri postanovleniya prigovora : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — L., 1970. — 30 s.